

«Пути исчезновения» художественных ценностей с оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны (на примере Северо-Запада России)

Ю. З. Кантор, д.и.н., г. н. с. СПб ИИ РАН

Возведенные в ранг государственной задачи вывоз и уничтожение художественных и исторических ценностей с оккупированных территорий, осуществлялся несколькими специально созданными структурами Третьего рейха. Уже 5 июля 1940 г. на основании распоряжения А. Гитлера (дополненного затем 17 сентября) под руководством рейхсляйтера НСДАП, «ответственного за мировоззрение», А. Розенберга был создан первый «Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга» для организации грабежей на занимаемых в ходе войны территориях. Его главной задачей было «отстаивание интересов НСДАП в борьбе против мировоззренческих противников и, в особенности, в конфискации и перевозке в рейх книжного, архивного и рукописного материала» необходимого рейхсляйтеру «для дальнейшей работы»¹. За первым оперативным штабом Розенберга появились другие – сначала в Юго-Восточной, затем – в Восточной Европе. Довольно быстро они стали позиционироваться не как совокупность аналогичных структур, а как отделения единой централизованной службы – Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг» с центром в Берлине². (Реальное повседневное управление всей этой разветвленной структурой осуществлял с 1 апреля 1941 г. начальник ее главного имперского отделения Г. Утикаль).

С апреля 1941 г. А. Розенберг, ставший к этому времени рейхсминистром занятых нацистами восточных территорий, готовил специальные команды, создавал штабы, разрабатывал планы вывоза культурной собственности народов Советского Союза³. Рейхсмаршал Г. Геринг «превентивным»

распоряжением от 1 мая 1941 г. специально настраивал как военные, так и идеологические структуры на сотрудничество с ним: «Борьба... против враждебных мировоззренчески сил является во время войны первоочередной задачей национал-социализма... Поэтому я приветствовал решение рейхсляйтера Розенберга создать во всех занятых областях оперативные штабы с целью фиксации и транспортировки в Германию культурных ценностей... Всем учреждениям партии, государства и вермахта поэтому предписывается предоставлять любую мыслимую поддержку и помощь штабсфюреру оперативных штабов рейхсляйтера Розенберга, начальнику /их/ главного имперского отделения члену партии Утикалю и его заместителю члену партии фон Беере при выполнении ими их задач»⁴.

Эти задачи штаба были конкретизированы в распоряжениях Розенберга от 20 августа и 3 октября 1941 г. Структура Оперативного штаба была достаточно разветвленной: координацию деятельности различных подразделений осуществляло центральное Управление, в его ведении в 1942 г. находилось пять Главных рабочих групп – «Франция», «Бельгия и Северная Франция», «Нидерланды», «Прибалтика» и «Украина». Две последние – «Прибалтика» («Остланд»), созданная 20 августа 1941 г. и базировавшаяся в Риге, и «Украина» с основной базой в Киеве, созданная 3 октября 1941 г., осуществляли учет культурных ценностей на оккупированных территориях СССР. Главная рабочая группа «Остланд» в свою очередь состояла из подразделений «Литва», «Латвия» и «Эстония», а также небольшой мобильной передовой команды «Петербург», действовавшей в зоне армейского наступления и входившей в занимаемые города непосредственно за штурмовыми частями. В оккупированных областях создавались и более мелкие «оседлые» группы – «Псков» и «Новгород» (обе они подчинялись группе «Эстония») и др.

Помимо руководителей отделов берлинского Управления штаба в командировки из Германии на оккупированные нацистами территории направлялись и научные эксперты. Они действовали в соответствии с

тематическими направлениями – «Архивы», «Музыка», «Ранняя история», «Изобразительное искусство», «Наука», «Этнография», «Демография»⁵. Им надлежало указывать сотрудникам рабочих групп на то, что «заслуживало отправки в Германию». Только в октябре 1943 г. на Запад ушли, главным образом через Прибалтику и Восточную Пруссию, около 40 товарных вагонов с произведениями искусства⁶. До середины 1943 г. штаб Розенберга провел 2256 акций на оккупированных территориях СССР: 375 – в архивах, 957 – в библиотеках, 531 – в институтах, 402 – в музеях. В октябре 1944 г. Розенберг докладывал: для вывозимых в рейх ценностей требовались 1418 товарных вагонов. В общей сложности 427 советских музеев (из них 173 в России), 1670 православных и 237 католических церквей, а также 532 синагоги были уничтожены или разграблены оккупантами⁷. Библиотеки утратили свыше 100 млн экземпляров книг. По оценкам архивистов, было уничтожено 44 897 архивных собраний⁸.

Лучшее из отобранного штабом в оккупированных странах, предполагалось экспонировать в музее фюрера в Линце, который планировалось создать после окончания войны. Этот, производившийся под личным патронатом фюрера (планировавшего сделать город, где прошло его детство, «центром духовной жизни национал-социалистического движения») грабеж, именовался в документах «миссия Линц». Именно Поссе еще летом 1941 г. начал подготовку к тому, чтобы как можно больше «трофеев» из России было направлено в Линц. О добыче, захваченной для музея фюрера Розенберг писал Гитлеру: «Желая доставить Вам, мой фюрер, радость ко дню моего рождения, радость ко дню Вашего рождения, позволю передать Вам папку с фотографиями некоторых ценнейших картин, которые мой анзацштаб, выполняя Ваш приказ, изъяс на оккупированных территориях... Эта папка фотографий представляет собой дополнение к уже поступившим в Ваше собрание из этого источника... ценнейшим произведениям искусства. Но и она дает лишь слабое представление о чрезвычайно обширных и ценных сокровищах искусства, собранных моим штабом»⁹. «Миссия Линц» до 1944 г.

доставила на территорию Германии 137 вагонов с картинами, предметами декоративно-прикладного искусства, ювелирными украшениями, мебелью¹⁰.

Наряду со штабом Розенберга действовала, зачастую открыто конкурируя с ним, организация при министерстве иностранных дел, – «Зондеркоманда Кюнсберга». Этот батальон под руководством штурмбанфюрера Э. фон Кюнсберга непосредственно подчинялся министерству иностранных дел Третьего рейха и, соответственно, его главе И. Риббентропу. У «команды» Кюнсберга были представительства в Варшаве и в Риге. Характерно, что с 1941 г. три из четырех рот Кюнсберга действовали на территории СССР, приданные группам армий «Север», «Центр» и «Юг»¹¹. (В 1939 – первой половине 1941 г. эта зондеркоманда работала во Франции, Бельгии, Польше, Норвегии). Одна из них, приданная группе армий «Север», в окрестностях Ленинграда располагала 40 профессиональными экспертами, подразделением СС в количестве 300 человек и необходимым транспортом. Изначально перед зондеркомандой ставилась задача вывоза документов политического характера, однако уже с осени 1941 г. эта установка применялась весьма расширительно – вывозились архивы и библиотеки, документы о новейших проектах в военной области, а также в сфере сельского хозяйства и промышленности. В 1942 г. в Берлине состоялась выставка «Образцы материалов, добытых специальной командой Кюнсберга при министерства иностранных дел в русской кампании», самым большим разделом которой стала экспозиция культурных ценностей (предметов искусства, древних книг, предметов культа и т. д.), вывезенных с территории России.

Также узаконенным нацистами государственным грабежом национального достояния нашей страны занимались «уполномоченные» вермахта. Еще одним конкурентом Оперативного штаба Розенберга была группа армий «Север», имевшая уполномоченного по «охране художественно-культурных ценностей» графа Э. Зольмс-Лаубаха. Именно он «спас» и вывез с Северо-Запада России тысячи уникальных музейных экспонатов, включая Янтарную комнату из Царского Села. (О Царском Селе подробнее в следующем разделе)

Активность Зольмс-Лаубаха неоднократно становилась предметом раздражения подчиненных Розенберга, не успевавших следить за исчезновением в конкурирующей организации уже намеченных для вывоза вещей. В 1942 г. на советской территории начала действовать группа «Аненэрбе» – подразделение Военного института Немецкого общества по изучению древней германской истории и наследия предков, в 1941 г. включенного Г. Гиммлером в состав СС. Как структура «культурной деятельности СС»¹² эта группа, действовавшая на оккупированных нацистами территориях республики СССР, была ориентирована на выявление и вывоз на территорию рейха археологических коллекций и предметов доисторического и раннеисторического периодов. Официальная цель этой формы грабежа – доказать, во-первых, наличие «следов» древних германцев на этих землях и тем самым «узаконить» захват территории, и, во-вторых, выявить «позитивное влияние арийской расы» на культуру народов, эти территории населяющих¹³. Нацисты исходили из постулатов т. н. «остфоршунга» – исследований восточных территорий для расширения жизненного пространства рейха и других «научных дисциплин»¹⁴, ориентированных на «доказательство» идеологом о «большевистской угрозе западной цивилизации» и «миссии немцев на Востоке». Эти идеологемы, несколько варьируясь, стали лейтмотивом гитлеровской пропаганды после начала войны на Восточном фронте. К этому времени «остфоршунг» по сути подменил краеведение, археологию и антропологию. Нацистская доктрина о роли немцев в исполнении «культурной миссии в Восточной Европе» чрезвычайно подходила для того, чтобы замаскировать требование «жизненного пространства» видимостью научности. Еще до Второй мировой войны в Берлине был создан Институт исследования родины и славянского вопроса, имевший несколько отделений: 1. История и этнография. 2. Экономика. 3. Славянская история. 4. Предыстория. В его идеологические задачи входили: борьба против польских научно-исследовательских институтов, доказывающих принадлежность в прошлом некоторых территорий восточной

Германии к Польше. Институт должен был противопоставить политическим позициям и работам поляков свои «научные» изыскания, которые в случае необходимости должны были быть опубликованы. Были намечены исследования поселений древних готов и бургундов на территории Западной Польши, чтобы тем самым доказать принадлежность этих территорий к Германии¹⁵. Они велись с целью оправдания захватнических планов фашистской Германии. В дальнейшем эти изыскания были экстраполированы на все захваченные восточные территории.

Императивную установку на то, какими должны быть результаты таких «научных» исследований на территории России от Пскова до Урала дал Розенберг на состоявшемся в Берлине 22–24 марта 1942 г. совещании руководителей отделов Штаба: «В течение прошедших веков эта территория была заселена германскими народами. Мы должны исходить из этого... Жизненное пространство на Востоке дает сегодня немецкому народу возможность дышать свободно. Как только закончатся военные действия, начнется натиск на восток – его освоение»¹⁶.

Также вывозом культурного наследия с оккупированных территорий, был рейхсмаршал, уполномоченный по четырехлетнему плану (экономика нацистской Германии была плановой – планы по различным отраслям экономики принимались на четыре года), Г. Геринг, отбиривший уникальные ценности для своей официальной резиденции – Каринхалле. По поручениям рейхсмаршала его подчиненные отбирали собранные штабом Розенберга и структурами «Аненэрбе» предметы искусства. Впоследствии Геринг признал на Нюрнбергском процесс, что владеет крупнейшей коллекцией, если не в Европе, то в Германии. В 1945г. в Каринхалле были обнаружены 409 ящиков с живописными полотнами, вывезенными из советских музеев¹⁷.

Помимо перечисленных структур существовало еще несколько организаций, участвовавших в расхищении художественных и исторических ценностей нашей страны: это экономическая команда «Герлиц», спецуполномоченные СД, отделы пропаганды и др. Однако кроме

официального государственного грабежа, был грабеж и личный: огромное количество ценных предметов осело в багаже и карманах офицеров и солдат, отправлявших в Германию «сувениры». Тысячи экспонатов, имеющих музейное происхождение, были получены офицерами вермахта в качестве поощрений¹⁸.

Итак, тотальное и систематическое разграбление отечественного культурного достояния (включая музейные экспонаты), оказавшегося на оккупированных территориях, осуществлялось сетью «специальных» организаций, подчинявшихся различным ведомствам Третьего Рейха. То, как происходило это разграбление имеет смысл рассмотреть на конкретном и наиболее типичном примере – Северо-Западе Российской Федерации. Речь пойдет о Ленинградской области (куда до 1944 г. входили не только Ленинградская в ее нынешних границах, но и нынешние Новгородская и Псковская области) и Карелии.

Великий Новгород

19 августа 1941 г. советские войска оставили Великий Новгород. Город два с половиной года находился в оккупации.

Представление о том, в каком состоянии оказались памятники Новгорода после окончания боев, дает «Акт осмотра от 26–27 ноября 1941 г.», составленный 4 декабря 1941 г. руководителем рабочей группы «Эстония» Г. Ф. фон Крузенштерном: «Древний город Новгород разрушен более чем на 90 %. Немецкая комендатура находится в... здании Духова монастыря. Город, кремль и участок фронта заняты испанской Голубой дивизией (Голубая дивизия – испанское добровольческое формирование, состоявшее

Новгород. Кремль. "Праздничный" колокол у Софийской звонницы. 1944 г. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

из служащих регулярной армии, ветеранов гражданской войны и фалангистской – по названию ультраправой профашистской партии Испании – милиции – Ю. К.). Из большого количества церквей лежащей на другом берегу Волхова Софийской стороны только одна открыта и используется для церковной службы... (церковь Михаила Архангела на Прусской улице). Знаменитый Софийский собор XI в. подвергся артиллерийскому обстрелу... В здании в советское время располагался музей атеизма и богатейшие исторические музейные коллекции. От атеистического музея сейчас остались

*Новгородский кремль. Софийский собор. Вид с севера. 1947г.
Новгородский государственный объединенный музей-заповедник*

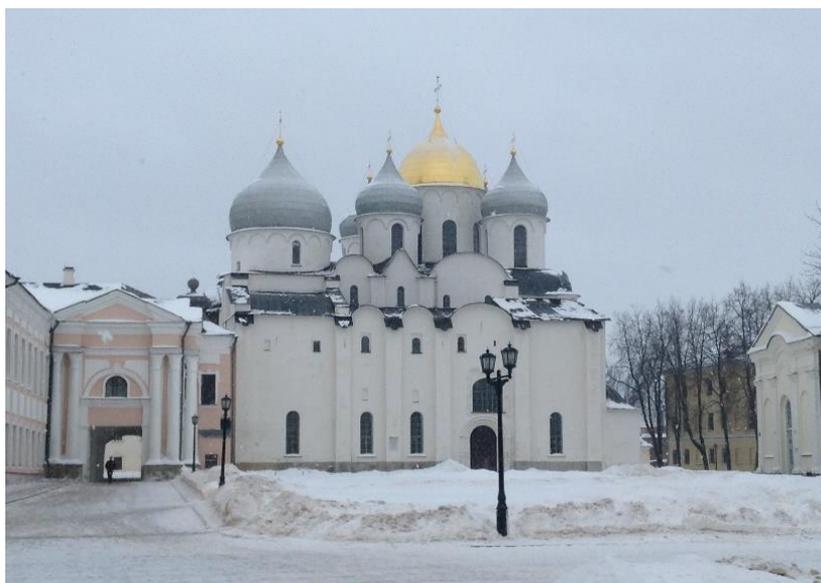
только отдельные плакаты, пустые витрины, шкафы и тексты описаний. В многочисленных... помещениях собора в беспорядке среди щебня и камней лежат... обломки драгоценных гробниц, одежды

русских князей, скульптуры из камня и дерева, литургические одеяния из шитой золотом парчи, хоругви, штандарты, церковная утварь и остатки знаменитого собрания Библий. Так как стекла в окнах выбиты, кругом много снега и льда. На галерее осталась прекрасная мебель.

Напротив Софийского собора в угловом здании (в Лихудовом корпусе) находилась большая библиотека, которая при захвате города еще оставалась целой. Она была собрана большевиками из очень ценной древней библиотеки новгородского архиепископа и других частных библиотек близлежащих дворянских усадеб. В настоящее время библиотека значительно пострадала от солдат испанской дивизии. Я нашел около 10 000 книг во многих больших

помещениях валяющимися на полу. Кирпичи, мусор (человеческие нечистоты) покрывали ценные кожаные тома XVII–XIX вв. В библиотеке не было ни целых окон, ни дверей. Многими книгами были закрыты окна в казармах, другие лежали на снегу»¹⁹.

Вместе с передовыми командами и рабочими группами оценку объектов производили и специалисты, научные эксперты – сотрудники

*Новгородский кремль. Софийский собор. Вид с севера. Совр. вид.
Фото Ю.Кантор*

упоминавшихся особых штабов. В Новгороде таким экспертом был доктор искусствоведения Д. Роскамп, член особого штаба «Изобразительное искусство». Отчет Роскампа от 14 марта 1942 г. имеет смысл процитировать подробно: «В одной только сожженной... церкви Иоанна на Торговой стороне погибло около 3000 собранных древних икон... Огромный ущерб памятникам нанесен солдатами расположенной в Новгороде испанской дивизии... Большая часть из хорошо сохранившихся иконостасов была использована испанскими солдатами для отопления (церковь Федора Стратилата). Другие церкви выгорели по неосторожности солдат (Знаменский собор), и их древнее убранство в настоящее время утрачено. Все церкви Новгорода стоят открытыми. Особый случай – церковь Михаила Архангела на Прусской улице, единственная действующая в годы советской власти. Церковь хорошо сохранилась, и здесь были собраны произведения искусства из многих других храмов. Однако в конце января 1942 г. (27–30 января) испанские солдаты взорвали дверь ручной гранатой и проникли внутрь. Украдены серебряная утварь и иконы»²⁰. Заключительная часть отчета Роскампа состоит из кратких описаний состояния памятников Новгорода. «В Софийском соборе храмовая

икона – образ св. Софии, царские врата из иконостаса одного из приделов, два трона и паникадило XVI в. вывезены профессором Заммом. Никольский собор: в декабре 1941 г. храм еще был невредим. Сейчас он полностью опустошен (испанскими) солдатами. Фрагменты резного иконостаса XVIII в. лежат на полу, в снегу. Церковь Праскевы Пятницы: здесь находились ценные иконы. Церковь выгорела. Церковь Жен-Мироносиц: внутреннее убранство полностью уничтожено. Церковь Спаса на Ильине: пострадала при артиллерийском обстреле. Знаменский собор: убранство и церковные предметы недавно уничтожены – сожжены испанскими солдатами. Собор Рождества Богоматери Антониева монастыря: в церкви мусор; иконостас... страдает от дождя и снега.

Церковь Федора Стратилата: в годы советской власти использовалась как музей. Иконостас употреблен на топливо испанскими солдатами... Церковь Петра и Павла: здесь находится один из самых значительных иконостасов XV в. Сейчас покрыт снегом и подвергается опасности... В историческом музее и музее русского искусства (оба в кремле) больше нет произведений искусства. Здания используются солдатами испанской дивизии как морг и магазин»²¹. Рефреном документов являются упоминания о неуправляемости испанцев и их варварском отношении к культурным ценностям: «Церкви открыты и разграблены, иконостасы и отдельные иконы уничтожены испанцами... Необходимо обеспечить порядок в этой части города, повесить таблички, закрыть храмы для того, чтобы предотвратить дальнейшее разграбление и уничтожение памятников». Таблички были вывешены, но никакого эффекта это не возымело: «Везде на дверях древних храмов прибиты запретительные надписи на немецком и испанском языках, но испанцы не обращают на эти надписи никакого внимания, взламывают двери и уносят из храмов иконы»²². Испания, куда ведут следы многих утраченных во время войны советских культурных ценностей, увы, до сих пор terra incognita для российских специалистов, занимающихся поисками вывезенных во время войны

оккупантами предметов искусства: никаких систематических исследований, касающихся российских утрат, здесь практически не ведется.

История оккупации Великого Новгорода дает весьма колоритный пример коллаборации местного населения с нацистами именно в сфере грабежа художественных ценностей – явления малоизученного, но достаточно распространенного²³.

Первым бургомистром занятого нацистами Новгорода стал археолог В. Пономарев. В библиотеке Марбургского университета хранится архив В. Пономарева, фрагменты которого – воспоминания об оккупации Новгорода, написанные в начале 1950-х гг., видимо, на основе более ранних, военных дневников, – недавно опубликованы. Из докладной записки В. Пономарева о мерах по охране памятников искусства и древности в Новгороде Великом 22 апреля 1942 г.: «После занятия германскими войсками г. Новгорода были приняты меры к охране архива, св. Софии, библиотеки и фонда музея. Мне, назначенному 29 августа (1941 г.) первым бургомистром г. Новгорода, было

Памятник 1000-летию России. Разбросанные фигуры памятника. Апрель 1944г. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

поручено выяснить состояние этих хранилищ, важнейшие ценности из которых, как Замм вывез из Софийского собора несколько древних икон (в их числе храмовый чудотворный образ св. Софии и царские двери из иконостаса Рождественского придела собора) и несколько картин, перенесенных в собор из картинной галереи. В ноябре месяце мы с отцом Василием Николаевским, священником Новгородской приходской церкви, организовали Церковно-археологический комитет и на

собранные пожертвования произвели работы по очистке собора... В декабре 1941 г. книги библиотеки музея были перенесены сотрудниками Оперативного штаба из Лихудова корпуса в придел Софийского собора. А в феврале 1942 г. руководитель особой группы «Новгород», представитель особого штаба «Библиотеки» доктор филологии П. Вааль вывез церковные книги и рукописи из Новгорода сначала во Псков, а затем в Ригу»²⁴. Наиболее ценные из них были показаны на организованной в апреле 1942 г. в рижском штабе рейхсляйтера Розенберга выставке «Новгородские библиотеки и их сокровища». Среди них: Евангелие 1644 года в окладе из церкви Николы в Наволоке (под Крестцами), Евангелие 1606 года из Юрьева монастыря, «Житие и чудеса св. Моисея, архиепископа Новгородского» XVII века, Евангелие 1663 года из Старой Руссы и ряд Евангелий XVII–XVIII веков в серебряных окладах. Обработка уникальной коллекции была закончена к сентябрю 1942 г., о чем

Памятник 1000-летию России. Совр. вид. Фото Ю.Кантор

свидетельствует отчет главной рабочей группы «Остланд» руководству Оперативного штаба «Об обработке Новгородской библиотеки». Согласно ему, всего в Ригу из Новгорода было направлено 33 892 тома; к отчету приложены списки книг на 68 листах по разделам «Археология», «Этнография» и «Раритеты». Среди них 1260 экземпляров Библии, Евангелия и другие книги XVI–XVIII вв., принадлежавшие Новгородскому музею, происходящие из различных собраний – Новгородской церковной библиотеки, библиотек братства св. Софии, Юрьева монастыря, Софийского собора, личных библиотек архиепископа Арсения и архиерея Григория Лубинского, а

также ряда церквей под Новгородом. Коллекция предназначалась для передачи экзархату православной церкви Латвии в Риге. Но в протоколе состоявшейся в Риге 27 ноября 1942 г. передачи главной рабочей группой «Остланд» экзархату православной церкви в лице митрополита Литовского и Виленского Сергия упоминается уже лишь 1026 богослужебных рукописных и печатных книг из Новгорода²⁵. Систематизация и описание произведений искусства, вывозимых с оккупированных территорий Северо-Запада, выполнялась в структурах оперативного штаба Розенберга в Риге. Характерно, что довольно подробные списки практически не содержат информации о музеях, из которых нацистами были вывезены описанные в них произведения искусства. Гитлеровских историков искусства не интересовала принадлежность награбленных ими сокровищ. Сегодня историки и музейщики при идентификации уцелевших перемещенных ценностей вынуждены порой ориентироваться лишь по комплексу старых (музейных) номеров, подробно перечисленных в описаниях (это было необходимо во избежание путаницы при наличии, скажем, двух икон или предметов утвари с одинаковым названием).

Софийская звонница, совр. вид. Фото Ю.Кантор

С начала 1943 г. вывоз культурно-художественных ценностей на запад приобретает массовый характер и становится весьма поспешным. К этому времени установки Оперативного штаба в отношении ценностей на оккупированных восточных территориях существенно изменились. Вывезенные из Новгорода художественные ценности сначала были определены на хранение в Псков, где проводилась их инвентаризация и

составление описей. Затем, в 1943 г., они переправлялись в Ригу, на базу главной рабочей группы «Остланд» для дальнейшей обработки, упаковки и отправки в Германию.

Точных данных, характеризующих количество утрат Великого Новгорода в сфере музейных ценностей, сегодня не существует.

Псков

Псков был оккупирован вермахтом 9 июля 1941 г., стал в 1942–1943 гг. «перевалочным пунктом», через который переправлялись художественные ценности из других регионов Северо-Запада для отправки в Прибалтику и далее – на территорию Германии²⁶. До начала оккупации, в считанные дни власти сумели эвакуировать из города часть населения, промышленные предприятия, больницы, учебные и детские учреждения и некоторые

Сваленные в кучу оккупантами иконы и церковная утварь (Успенский собор). 1944г.

Российский государственный архив социально-политической истории.

как минимум, пятнадцать вагонов²⁷.

Музей обладал богатейшими коллекциями археологии, нумизматики, рукописных и старопечатных книг и документов (древлехранилище), иконописи и других произведений церковного искусства. Имелись и собрания русской и западноевропейской живописи, графики, мелкой пластики, фарфора, естественнонаучные коллекции. После того, как Псков оставили

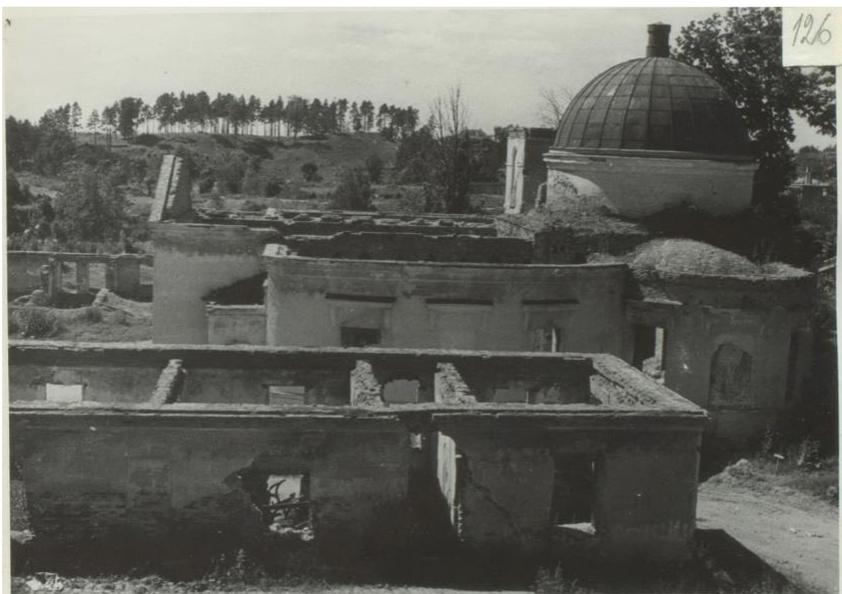
музейные коллекции (для них смогли выделить минимум транспортных и прочих средств). Спасти фонды Псковского музея не удалось, так как для них была выделена четверть вагона, а необходимо было,

советские войска, оккупационная власть в городе осуществлялась военно-полевой комендатурой, затем был назначен бургомистр В. Черепенкин. В первые же дни оккупации Пскова служба упоминавшегося в предыдущих разделах Зольмса-Лаубаха, уполномоченного группы армий «Север», взяла «на учет и под охрану» все найденное в музее. В документах штаба Розенберга отмечаются факты вандализма, расхищения солдатами утвари в Троицком соборе²⁸.

Кроме отдела Зольмса в городе работала зондеркоманда «Псков», подразделение Главной рабочей группы «Остланд», занимавшееся всеми вопросами культурной и общественной жизни Пскова и окрестностей. Приоритетным направлением ее деятельности был захват и вывоз культурных ценностей.

Вопросами «учета» и вывоза культурных ценностей занимались также СД и упоминавшаяся «группа Кюнсберга».

К концу лета 1941 г. по инициативе и под руководством графа Зольмса из коллекций псковских музеев был

*Разрушенный оккупантами Святогорский монастырь. 1944г.
Российский государственный архив социально-политической истории.*

сформирован «Музей Поганкина». Его экспозиция была выставлена в здании Исторического музея. (Поганкины палаты – каменная постройка XVIII–XIX вв., принадлежавшая купцу Сергею Поганкину).

Для немецких солдат устраивались выставки, где были представлены «западно-европейская и русская живопись, исторические предметы, одежда, церковные облачения, иконы, утварь, книги и пр., а также остатки естественнонаучного собрания и ботанический материал». Музей, в котором

был небольшой штат русских сотрудников, был доступен и для местного населения два часа в день.

Представители главной рабочей группы «Остланд» и сотрудники штаба Розенберга периодически появлялись в Пскове с инспекциями и обследованиями. Их отчеты содержат информацию о состоянии культурных ценностей в разные периоды оккупации, а также о фактах их изъятия и перемещения. Например, в октябре 1941 г. сообщается о том, что материалы евангелической лютеранской общины Якоби, хранившиеся в музее, отправлены комендантом Пскова в институт изучения зарубежных стран в Штутгарте. При том, что вывоз художественных ценностей носил систематический характер. Один из руководителей Штаба Розенберга, д-р Цайсс, пояснял: «...восточные области должны быть после войны превращены в учебное пространство для немцев, форма которого еще вырабатывается, имеющиеся там предметы культуры не должны быть разграблены и должны оставаться на своих местах...»²⁹.

В хранилище Псковских музеев и Солодежне (остатки богатого жилого дома первой трети XVII в., в XIX в. в здании производили солод, во время войны использовалось как хранилище) в трех помещениях были размещены «доисторические древности», западноевропейская и русская живопись (в т. ч. работы представителей кубизма и экспрессионизма), фарфор, иконы небольшого размера, пластика, одежда и т. д.

В музее Поганкина находилась библиотека, которая, по мнению проверяющих, включала, в основном, собрания Псковского археологического общества. Кроме самых различных изданий, в фондах, по оценке специалистов, имелись «драгоценнейшие старопечатные книги». Представители главной рабочей группы «Остланд» сожалели, что не смогли обнаружить книгу описей этой библиотеки и некоторые ценные документы и книги, известные им по каталогам. Они также сообщили в Берлин, что материалы «идеологического характера, остатки антирелигиозной выставки в Троицком соборе», книги и документы дома Советов взяты на хранение СД,

большая их часть уже переправлена в Ревель (Таллин), еще несколько тысяч томов должны быть отправлены туда же³⁰.

600–700 икон из церквей и часовен всей Псковской губернии, большое число церковных одеяний, а также Чудотворная икона князя Всеволода-Гавриила находились в музее Поганкина. Часть раритетов была выставлена, часть хранилась в Пароменской церкви. Всем этим «драгоценным предметам искусства граф Зольмс обеспечил хорошее хранение», – заключили эксперты зондеркоманды. 23 февраля 1942 г. в Псков прибыла очередная бригада представителей главной рабочей группы «Остланд» с целью проверить состояние культурных ценностей и обобщить происшедшие со времени предыдущей ревизии изменения. В отчетах зондеркоманды «Псков» от 2.03.1942 г. отмечается, что службами вермахта осуществлена расчистка городской библиотеки, книжные фонды которой перемещены в музей Поганкина. После повторного осмотра выяснилось, что состояние хранилищ и условия хранения претерпели существенные изменения: в помещениях царил беспорядок, на полу валялись картины, количество их существенно

У памятника Пушкину. Саперы показывают членам комиссии, как был разминирован памятник. 1944г.

Российский государственный архив социально-политической истории.

уменьшилось с октября 1942 г. В упоминавшейся выше Солодежне, находившейся под охраной полевой комендатуры, были обнаружены признаки грабежа и разрушений. В открытых шкафах, на подоконниках и на полу в беспорядке – портреты, гравюры, народные

костюмы, археологические находки, предметы естественнонаучной коллекции, книги. От ценного фарфора были обнаружены только остатки. Исчезли иконы-миниатюры³¹.

В 1941–1944 гг. Псковский музей был основной базой хранения культурно-художественных ценностей, вывезенных не только из псковского региона, но и из Новгорода, Тихвина, Пушкина, Павловска, Гатчины, Петергофа. Отсюда сокровища отправлялись в Ригу³².

Как свидетельствуют документы, псковские ценности порой меняли траекторию следования – их пересылали и в другие регионы территории «Остланд»³³.

К середине 1943 г. ситуация в Риге, где в хранилище находились музейные предметы, характеризовалась, как «не очень устойчивая» – фронт откатывался на запад, – и в октябре 1943 г. нацисты начали массовый и экстренный вывоз еще оставшихся на оккупированной территории художественных ценностей в Германию.

Точное количество утраченных художественных ценностей Пскова на выяснено до сих пор.

Карелия

Прежде, чем приступить к обзору происходившего на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны, следует заметить, что почти все ценное в художественно-историческом отношении из Выборга и его окрестностей, а также с Карельского перешейка было вывезено в Хельсинки еще в 1939 г. – в период Зимней войны. Это большая часть коллекции Художественного музея, часть предметов из Исторического музея, очень много церковных предметов (иконы, облачения, утварь), включая все наиболее ценное из Валаамского и Коневецкого монастырей. Сейчас эти вывезенные вещи хранятся в различных финских музеях. Например, в Музее православия в Куопио масса предметов с подписями, из каких выборгских храмов они перевезены. Частные коллекции (как в случае с Монрепо) вывозились хозяевами. Это художественное собрание долго было в руках наследников последних владельцев – Николаи, и только в 1995 г. перешло в собственность Национального музея. В 1940 г. из Выборга уже во время Зимней войны была вывезена уникальная коллекция

струнных инструментов Х. Валя (Страдивари, Амати, Гварнери, старые немецкие мастера). Данные по ней расходятся, есть указания, что вывезли от 29 до 34 самых ценных инструментов (разошедшихся по частным финским коллекциям), а остальные остались в Выборге, их дальнейшая судьба неизвестна.

В 1941–1944 гг. в Восточной Карелии в эти годы работала комиссия от Национального музея Финляндии, которая собирала карельские этнографические ценности: предполагалось, что после войны эта территория (никогда не относившаяся к Финляндии) в дальнейшем останется за финнами, и будут созданы новые музеи краеведческого характера, в которые эти вещи и поступят. В том числе финские оккупационные власти планировали создать единственный в мире музей вепсов. Сейчас в фондах Национального музея свыше 400 предметов, собранных в это время – т. н. «русская коллекция». Финляндия была единственным государством – союзником гитлеровской Германии, имевшим намерения не только расширить свои границы за счет территории России, но и государственные планы вывоза художественных ценностей с оккупированных территорий.

Среди задач военных властей в Восточной Карелии была и образовательно-просветительская: «Образование и просветительская работа должны быть направлены на финское население края. Основываются библиотеки, школы, кружки, газеты, начинается радиовещание»³⁴. В планы по просветительской работе входило также сохранение и собирание памятников культуры. Г. Вилкун, уполномоченный по сбору художественных и этнографических ценностей, сообщал в Главную ставку, что при военном правлении необходимо учредить должность этнографа, который мог бы работать при археологической комиссии.

Главная Ставка финляндского командования обязывалась соблюдать необходимые требования при отборе вещей и их атрибуции при отправке в финские музеи: «Когда предметы поступают на хранение в музей, нужно, чтобы с ними поступали важные сведения о месте изготовления,

наименовании, назначении и т. п. Собрать нужно столько, чтобы коллекции Национального музея были значительно пополнены. Кроме того, для типологических предметов есть другие возможности использовать их в волостных музеях, которые уже имеются в Шёлтозеро и Лодейном поле. Развитие музея в Шёлтозеро особенно важно, поскольку это единственный в мире музей вепсов»³⁵

В 1942–1944 гг. были организованы финские экспедиции в Посвирье и Беломорскую Карелию. Значительная часть собранных ими коллекций блуждала по частным рукам до конца войны. Две из них, собранные во время «войны-продолжения» в Посвирье, Кархумяки, на Карельском перешейке и в Петрозаводском регионе, в 1946–1947 гг. дополнили коллекцию Национального музея. В январе – феврале 1942 г. на территории Карело-Финской ССР работала экспедиция одного из крупнейших финских археологов С. Пяльси. Она обследовала Александро-Свирский монастырь, деревни Троица, Кенкиево и Самбатус. В исследовательскую группу входили известный журналист О. Пааволайнен и не менее известный поэт М. Хаавио³⁶.

Археологическая комиссия начала работу в Восточной Карелии осенью 1941 г. Совместно с правлением Греко-католической (униатской) церкви она создала группу по сохранению церковных предметов. От нее в Военное правление предложена кандидатура сотрудника Национального музея Э. Никкиля. Его задачей было обеспечение сохранности ценных с музейной точки зрения предметов³⁷. Никкиля начал работу в ноябре 1941 г. и составил программу по обеспечению сохранности и сбору памятников культуры. Охране подлежали музеи, церковные древности и строительная культура. Предметы следовало собирать для Центрального музея Карелии и для Национального музея. Была проведена работа среди капелланов, офицеров, военной полиции, назначены ответственные за сбор и сохранение ценностей в отдельных военных частях³⁸.

При Министерстве образования Финляндии в декабре 1941 г. была создана Государственная научная восточно-карельская комиссия, задача которой

сводилась к координации и сбору воедино сведений, полученных в научных отделах и обществах Восточной Карелии. Комиссии уже в январе 1942 г. было предписано заниматься исследованиями, которые направлены «прежде всего на те задачи, в решении которых в Финляндии уже прежде были достигнуты важные результаты, и которые дополняли бы важнейшие с точки зрения нашей страны исследовательские задачи». И, что принципиально важно, по прямой аналогии с нацистским остфоршунгом, комиссия должна была «направлять упомянутые исследования так, чтобы с их помощью постараться, насколько возможно, сформировать общее представление о новых территориях, которые доказывали бы их безусловную принадлежность Финляндии»³⁹.

Под руководством Археологической комиссии сотрудники Национального музея «вели исследования в Восточной Карелии». В октябре 1941 г. в результате экспедиции в финно-угорскую коллекцию Национального музея поступило 410 предметов. На следующий год экспедиция в Пораярви собрала и передала в Национальный музей около 1000 карельских предметов. За годы «войны-продолжения» Археологической комиссии было передано свыше 500 икон, в тот же период в отдел не-финской этнографии поступило около 400 русских предметов⁴⁰. Финны собрали в общей сложности около 900 предметов культа из кижских церквей и других храмов Заонежья и погрузили на пароход «Медвежьегорск». Так древние русские иконы оказались на территории Финляндии⁴¹.

Работы по изъятию ценностей в Заонежье и Кижях с 1942 г. велись централизованно: под руководством генерал-лейтенанта В. Хеглунда и магистра по церковной архитектуре и истории искусств Л. Петтерссона. Для консультаций в 1942 г. в Карелию были приглашены один из чинов греко-католической церкви Л. Казанко, православные священники, а также директор Художественной галереи в Хельсинки, специалист по иконописи Б. Хинце. Если судить по специализации привлеченных экспертов, то становится ясно, что шла продуманная работа по инвентаризации наиболее ценных образцов древней православной живописи для последующего ее вывоза. Летом 1943 г.

четверо финских экспертов объехали Заонежье. Именно в этот период и созрел план, согласно которому вывезенные вскоре иконы разместили в пяти различных регионах Финляндии – якобы из соображений безопасности. Именно на Петтерссона власти возложили задачу по планомерному вывозу ценностей в Финляндию. В Хельсинки собирались открыть выставку «Защита искусства в годы войны. Иконопись Восточной Карелии». На нее отобрали 152 иконы, вывезенные из Кижей, Кондопоги, сел Яндомозеро, Тамбицы, Типиницы и других мест, однако выставка сорвалась. В последний момент лично верховный главнокомандующий К. Г. Маннергейм распорядился не выставлять иконы как военные трофеи»⁴².

Финские профессионалы, занимавшиеся санкционированным грабежом художественных и этнографических ценностей, негодовали по поводу того, что «в финских частях идет охота за ценными предметами, особенно за произведениями церковного искусства». Все хотели на память о войне получить карельские образа. «Их берут, где только можно, отправляют в котомки и переправляют домой. В каждой деревне, где мы были, эти собиратели военных трофеев уже побывали до нас, и редкий дом сохранился от них... Эти награбленные в Карелии образа перевозят в Финляндию в огромном количестве, и ими уже здесь торгуют»⁴³. На вепских территориях происходило аналогичное, свидетельствовали сами же финские участники экспедиций: «Финские и шведские солдаты уже во время Зимней войны рыскали вокруг как шакалы или саранча Египетская, и у них нет никакого представления о морали, частной собственности и уважении к памятниками старины...»⁴⁴.

Тема вывоза художественных и этнографических ценностей с территории Карелии сегодня остается фактически неисследованной отечественными специалистами, и совместных, российско-финских, проектов в этой области истории и музееведения практически не существует. Хотя именно такие проекты могли бы существенно расширить представления о карельских

культурных утратах времен Великой Отечественной войны и, вероятно, выявить местонахождение вещей, покинувших этот регион в 1941–1944 г.

«С войной покончили мы счеты», – строка из советской песни и 75 лет спустя после Победы отнюдь не является аксиомой. И не только для массового сознания, но и для историков и искусствоведов. Счет продолжается – горький список утрат, в частности, в сфере культуры, не закрыт до сих пор.

---

¹ Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг»: Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии: 1941–1942. – М., 1998. – С. 13.

² См: Manasse P.M. Verschleppte Archive und Bibliotheken. Die Tätigkeit des Einsatzstabes Rosenbergs während des Zweiten Weltkrieges. – St. Ingbert, 1997.

³ Зинич. М. С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. – М., 2005. – С. 23.

⁴ Картотека «Z»... – С. 14.

⁵ Зинич М. С. Реституция российских музейных ценностей в послевоенные годы // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: Материалы международной научной конференции 24–26 сентября 2009 г. СПб, РГПУ им. А. И. Герцена. Ч. 2 – С. 29.

⁶ Volkert N. Der Kulturgutraub durch deutsche Behörden in den während des Zweiten Weltkrieges besetzten Gebieten // Kulturgüter im Zweiten Weltkrieg. – Magdeburg, 2007. – S. 31.

⁷ Zinič M. Zwischen den Zonen: Restitution von Kulturgut an Rußland // Kunst im Konflikt : Kriegsfolgen und Kooperationsfelder in Europa. – Berlin, 2006. – S. 323.

⁸ Там же.

⁹ Зинич М. Особый уполномоченный Гитлера // Независимое военное обозрение. – 1997. – № 23.

¹⁰ Васильева Т., Коренюк Н. Миссия Линц // Совершенно секретно. – 1993. – № 11. – С. 21.

¹¹ Мазурицкий А. Ферстер из «Кюнсберга» // Аргументы недели. – 2010. – 31 марта [электрон. ресурс]. // <http://www.argumenti.ru/society/pobeda65/n231/55386/>

¹² Васильченко А. В. Герольды «Наследия предков». – М, 2011. – С. 113.

¹³ Там же.

¹⁴ Фойхт Г. К вопросу о роли фашистского «остфоршунга» перед Второй мировой войной // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. – М., 2005. – С. 63.

¹⁵ Центральный архив (далее ЦА) ФСБ России. Протокол допроса арестованного Нидермайера О. Ф. от 28 августа 1945 года. Л. 31 об. – 32. См также: Кантор Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 1921–1939 гг. СПб., 2008. – С. 275–289.

¹⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 70. Л. 76–76 об.

¹⁷ Зинич М. С. Реституция российских музейных ценностей в послевоенные годы... – С. 29.

¹⁸ См.: Картотека «Z»... С. 24.; Зинич М. Похищенные сокровища... – С. 24–26.

¹⁹ Город, которого нет // Время новостей. – 2009. – 19 авг.

²⁰ Комарова Ю. Б. Перемещение культурных ценностей из Новгорода в 1941–1943 гг. (По материалам фонда Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в ЦГАВООУ) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. – Великий Новгород, 2003. – С. 61.

²¹ Там же.

²² Кантор Ю. Деятельность группы «Остланд» Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга: (На примере Великого Новгорода) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : Матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 8 крас. 2010 г. Вып. 9. – Мінск, 2010. – С. 50.

²³ См.: Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М, 2011. – С. 468–529.

²⁴ Город, которого нет...

²⁵ Там же.

²⁶ ЦА ФСБ России. АСД Н-18313. Т. 11. Л. 310а.

²⁷ Сафронова М. Псков сорок первого // Псковская губерния. – 2011. – 6–12 июля.

²⁸ Ткачева Н. Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник [электрон. ресурс] // http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom14/

²⁹ Там же.

³⁰ Ткачева Н. Псковский музей в годы оккупации 1941–1944 гг. // Сводный каталог культурных ценностей Российской Федерации, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 14. Кн.1. Псковский

государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – М., 2007. – С. 7.

³¹ Там же. С. 10.

³² ЦА ФСБ России. АСД Н-18313. Т. 11. Л. 310а.

³³ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-2271. Д. 5, 6, 12, 15.

³⁴ РГВА. Ф. 1401. Д. 65. Л. 58.

³⁵ Furu L. Museoesineitä Itä-Karjalasta. – Helsinki, 2010. – S. 26.

³⁶ См.: Haavio M. Me marssimme Aunuksen teitä : Päiväkirja sodan vuosilta, 1941–1942. – Porvoo; Helsinki, 1991.

³⁷ Helminen H. Matkapäiväkirja : Museoesineiden keruumatka Repolassa, 6.10–18.11.1941. – Helsinki, 2008. – S. 89.

³⁸ См.: Laine A. Suur-Suomtn kahdet kasvot : Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. – Helsinki; Otava, 1982.

³⁹ Furu L. Op cit. – S. 57.

⁴⁰ Helminen H. Op. cit. – S. 119.

⁴¹ В Финляндии всплыли художественные ценности, вывезенные во время Второй мировой войны. URL: http://www.lostart.ru/ru/press/?element_id=1196

⁴² Там же.

⁴³ Pälvi S. Voittajien jäljissä: Sodanäkaisen Aunuksen oloja ja elämää. – Helsinki, 1942. – S. 153.

⁴⁴ Furu L. Op cit. – S. 82.